

УДК 171+340.124
DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-83-93

Д. М. ПАТТЕРСОН²

Ратгерский университет,
Камден, США

Перевод с английского
А. Б. ДИДИКИН
С. А. АЛЕКСАНДРОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва

ДВОРКИН О СЕМАНТИКЕ ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ¹

Рональд Дворкин в своём недавнем комментарии к *Постскриптому «Понятия права»* Г. Л. А. Харта высказал ряд аргументов в пользу того, что значение правовых и политических понятий может быть понято по аналогии со значением терминов естественных видов, таких как «тигр», «золото» и «вода». В настоящей статье плодотворность такого подхода ставится под сомнение. Критическому анализу подвергается сама идея использования естественных видов в качестве основы семантической теории правовых и политических понятий. Кроме того, в вопросах исследования ценностей мы не располагаем методологическим аналогом научного метода. Таким образом, вероятность обнаружения скрытых сущностей, которые объясняли бы значение правовых и политических понятий, крайне невелика. Наконец, даже если анализ семантики естественных видов и является плодотворным, аргументы Дворкина о его применимости в юриспруденции весьма проблематичны и неубедительны. Включение Дворкиным естественных видов в свою теорию подрывает ее базовое положение о том, что судебная интерпретация должна наилучшим образом соответствовать сложившимся особенностям правовой системы.

Ключевые слова: Дворкин, естественные виды, семантика правовых понятий, моральный реализм.

Даже споры о природе права, доминировавшие в философии права на протяжении десятилетий, в сущности своей являются спорами в рамках философии языка и метафизики.
Рональд Дворкин [1, р. 1]

1. Введение. Вопросы взаимосвязи философии права и философии языка доминировали в аналитической юриспруденции на протяжении большей части второй половины прошлого века³. Начиная с *Понятия права* Г. Харта, испытавшего влияние идей Л. Витгенштейна и Дж. Л. Остина⁴, и вплоть до провозглашения Рональдом Дворкиным тезиса о том, что споры вокруг позитивизма следует рассматривать как разновидность дискуссий между глобальным реализмом и анти-реализмом в философии языка⁵, философы права обычно считали,

что прогресс в юриспруденции может быть ускорен, если подходить к проблемам философии права с позиций философии языка⁶.

В своем недавнем комментарии к *Постскриптому «Понятия права»* Герберта Харта⁷ [7, р. 1], Рональд Дворкин вновь обращается к философии языка для решения проблем юриспруденции. По аналогии с так называемыми терминами «естественных видов», Дворкин утверждает, что значение таких политических понятий, как, например, «справедливость», определяется не общими правилами словоупотребления (как, по мнению Дворкина, считал Харт), а тем, что Дворкин называет «глубинной структурой»⁸.

В настоящей работе я постараюсь доказать, что попытка Дворкина включить семантику естественных видов в юриспруденцию имеет ряд существен-

ных недостатков. Я начну с критики тезиса Дворкина о том, что значение терминов естественных видов, таких как «золото», «тигр» и «вода», зависит от глубинной структуры референта. Сторонники теории естественных видов отстаивают два тезиса. Во-первых, с метафизической точки зрения, естественные виды тождественны своим основополагающим природным качествам. Во-вторых, с семантической точки зрения, естественные виды осуществляют прямую референцию, т.е. значение терминов естественных видов является функцией прямой референции к их микроструктурным характеристикам. В целях аргументации я принимаю метафизический тезис, но отрицаю семантический. Иными словами, я утверждаю, что не существует необходимой связи между естественными видами и значением терминов естественных видов. Если моя позиция верна, тогда предпосылка, на которой основывается аргументация Дворкина, неизбежно терпит неудачу.

Во-вторых, в целях аргументации я принимаю предпосылку о существовании естественных видов. Тем не менее тезис Дворкина о том, что правовые и политические понятия имеют скрытые сущности, является несостоятельным. Проблема заключается в том, что при анализе ценностей у нас нет таких достоверных способов разрешения споров о существовании и признаках подобных сущностей. Споры о «реальном» значении политических и правовых понятий нельзя разрешить простой отсылкой к «скрытой природе вещей» без соответствующего эпистемологического и методологического доказательства.

Мой заключительный тезис в целях аргументации также основывается на предпосылке о существовании естественных видов. Если все же попытаться вписать аргументы Дворкина о сходстве между естественными видами и правовыми понятиями⁹ в контекст его теории права, то в ней обнаруживается существенный сдвиг. В ситуации, когда правовые и политические понятия лучше всего понимать по аналогии с терминами естественных видов, судьи будут вынуждены игнорировать прецеденты во всех тех случаях, когда они не отражают их представлений о значении того или иного термина естественного вида. Выражаясь терминологией Дворкина, требование к судебной интерпретации, заключающееся в том, что она должна наилучшим образом соответствовать сложившемуся особенностям правовой системы и быть в ее рамках обоснованной, более не будет нуждаться в критерии «соответствия». Проще говоря, процедура вынесения судебного решения тогда превращается в «одно только лишь обоснование»¹⁰.

2. Архимедианская юриспруденция Харта.

Харт охарактеризовал свою теорию права как «дескриптивную юриспруденцию». В русле этого подхода он стремился прояснить правовую практику путем ясного описания её характерных особенностей. Среди главных элементов его теории следует упомянуть: первичные и вторичные правила, внутренний взгляд на право и, что наиболее важно, — правило признания. Правило признания позволяет юристам и рядовым гражданам распознавать правовые нормы, а также определять в спорных ситуациях, что является правом¹¹.

Будучи давним противником позитивизма, Дворкин вновь выстраивает свою критику и называет Харта архимедианцем. Дворкин отмечает, что архимедианцы делают дискурс рассматриваемой ими

практики на два типа утверждений: первопорядковые и второпорядковые¹². Утверждения первого порядка представляют собой материально-правовые заявления [substantive claims], наподобие, например, заявления о правах. Утверждения второго порядка призваны объективно объяснить, что это значит «иметь право». Архимедианцы, отмечает Дворкин, считают, что существует разница между созданием правдоподобных заявлений (я имею право на X) и объяснением того, почему такие заявления являются истинными (например, лицо имеет право на X только в том случае, если данное право предусмотрено законодательством). Утверждения первого типа выражают оценочные суждения; вторые — объясняют особенности утверждения истинных суждений. Утверждения первого типа «ангажированы и основаны на внутреннем убеждении» [7, р. 3], в то время как вторые — «концептуальны и дескриптивны» [7, р. 3].

Дворкин отрицает данное разделение, проводимое метаэтиками и позитивистами, которые утверждают, что между утверждениями первого и второго порядка существует логическая связь. Согласно Дворкину, все утверждения о политико-правовых феноменах следует относить к утверждениям первого типа, поскольку «строгий анализ и попытки построения определений таких понятий, как "свобода", "равенство", "право" и т.п., точно так же основаны на внутреннем убеждении, нормативны и вовлечены в контекст, как и многочисленные мнения, высказанные в политических спорах по поводу этих идеалов» [7, р. 3]. Таким образом, ни одна теория права не может быть чисто дескриптивной (как этого хотел Харт), поскольку любое описание предполагает оценивание.

3. Дворкин о содержании понятий. Чем регулируется употребление таких политических понятий, как «свобода» и «право»? Один из подходов гласит, что употребление того или иного понятия зависит от «общих критериев» его применимости. Такой подход вполне применим к «понятиям о вещах, созданных человеком» [7, р. 10], наподобие, например, «бумаги», «книги»; однако идея об общих критериях «неприменима... к понятию справедливости» [7, р. 10]. Как отмечает Дворкин, ответ на вопрос «угрожает ли судебный пересмотр демократии», не может быть получен на основе общих критериев о применимости данного термина. Вопросы подобного вида требуют иного типа ответа.

Второй возможный вариант ответа основан на том, что «правильное употребление понятия закреплено за некоторым фактом об объекте — фактом, который может быть объектом распространенных заблуждений» [7, р. 10]. Дворкин утверждает, что самым ярким примером такой связи являются понятия «естественных видов». Возьмём в качестве примера слово «тигр». Вполне возможно, что многие животные, которых люди называют «тиграми», в действительности не окажутся «настоящими» тиграми. Несмотря на то, что некоторые животные могут выглядеть точь-в-точь как «настоящие» тигры, им «не хватает отличительной ДНК» [7, р. 11], которой обладают только «настоящие» тигры¹³. Слово «тигр» правильно применимо только к тем животным, которые имеют «отличительную ДНК тигра» [7, р. 11]. Употребление этого слова как-либо иным путем будет являться ошибкой.

Значение слов, наподобие «тигр», «золото» и «вода», зависит не от того, как такие слова обычно употребляются, а от свойств объектов, к кото-

рым эти слова отсылают. Именно отношение референции является ключом к пониманию значения и, соответственно, правильного употребления слова. Допустим, что данная позиция верна в отношении значения терминов естественных видов, таких как «тигр», «золото» и «вода», но можем ли мы сказать то же самое о правовых и политических понятиях?

Соглашаясь с тем, что «свобода не имеет ДНК» [7, р. 11], Дворкин утверждает, что политические и правовые понятия имеют «глубинную структуру» [7, р. 13; см. также описание того, что правовые и политические понятия имеют «природу или сущность»: 7, р. 12], которая определяет «действительное значение» этих терминов [7, р. 19]. Мы не можем обнаружить глубинную структуру свободы подобно тому, как мы это делаем с ДНК тигра. Но мы можем попасть на уровень глубинной структуры правовых и политических понятий, применив иную стратегию. Причина этого проста: «глубинная структура политических ценностей является не физической, а нормативной»¹⁴ [7, р. 13].

Аргументационная стратегия Дворкина ясна. Как и термины естественных видов, политические и правовые понятия имеют «глубинную структуру»¹⁵. Именно эта глубинная структура дает термину его значение, и, что более важно, определяет правильное и неправильное его употребление. Таким образом, дискуссии вокруг «истинного» значения правовых и политических понятий переключились на поиск нормативного эквивалента ДНК или химического состава. На вопрос о значении и истинности наших утверждений о политике и праве существует правильный ответ. Путь к истинным утверждениям лежит через обнаружение истинного значения наших терминов.

4. Содержание идеи естественных видов. Идея естественных видов зародилась в трудах Джона Локка, разрабатывавшего учение о реальных и номинальных сущностях. Под реальной сущностью Локк понимал бытие какой-либо вещи, благодаря чему она есть то, что она есть¹⁶. Номинальная сущность, напротив, представляет собой средства, с помощью которых мы относим вещи к тому или иному виду¹⁷. Реальные сущности, порождающие чувственные качества и позволяющие нам отличать вещи друг от друга, являются особенностью незаметной микроструктуры вещей. Локку и его современникам не хватало технологий для доступа к этому микроскопическому уровню. Таким образом, когда вопрос касался значения слов, номинальные сущности (а не естественные виды) были всем, чем они могли руководствоваться.

С тех пор все изменилось. Современное естествознание позволяет нам увидеть микроструктуру любых объектов нашего мира. Эти научные достижения были подхвачены философами, которые стремились повенчать науку с семантической теорией. В течение 1960-х и 1970-х годов Солом Крипке¹⁸ [14] и Хилари Патнэмом [18] были разработаны сложные семантические теории, в которых они вывели идею естественных видов на качественно новый уровень. Согласно Патнэму, понятие естественного вида имеет следующие четыре характеристики [18, р. 269]:

(1) синтаксический маркер (в случае понятия «вода» — *вещественное, конкретное существование*);

(2) семантический маркер (*естественный вид, жидкость*);

(3) стереотип (*бесцветная, безвкусная, утоляет жажду и т. д.*);

(4) экстенционал (H_2O).

Первые три характеристики находятся в пределах лингвистической компетентности среднестатистического говорящего. Эти характеристики не определяют экстенционал (и, следовательно, значение) понятия естественного вида, поскольку оно определяется природными свойствами объекта. Сердцевинной естественного вида является его неизменный отличительный компонент — микроструктурная характеристика (например, ДНК или молекулярная формула), которая определяет значение понятия¹⁹. Как правило, экстенционал (микроструктурная особенность) представляет собой апостериорное знание, полученное в результате научных открытий.

Если позиция Патнэма о семантике естественных видов верна, тогда правильны и следующие выводы:

(1) экстенционал понятия естественного вида обусловлен не интенционалом, номинальной сущностью или смыслом слова, а вполне возможно некоторым, пока неизвестным (не обнаруженным наукой), «отношением тождества» между микроструктурными особенностями парадигмального образа и элементами, принадлежащими экстенционалу;

(2) выражения в различных языках могут иметь одинаковые синтаксические, семантические и стереотипные характеристики, однако при этом не совпадать по своему значению. Тем самым жидкость на воображаемой планете Земле-Двойнике, обладающая всеми свойствами воды, за исключением того, что ее химический состав будет XYZ, а не H_2O , даже несмотря на то, что жители этой планеты называют ее «водой», в действительности водой являться не будет;

(3) напротив, слова, которые не имеют общих стереотипных характеристик, могут, тем не менее, иметь одинаковый экстенционал или реальную сущность. Например, если вещество имеет атомный номер 79, но при этом не имеет никаких характерных для золота свойств, оно, тем не менее, будет являться золотом;

(4) совершенствование словоупотребления не ведет к пониманию значения слова. Очевидно, что члены языкового сообщества могут веками употреблять слово, значение которого им неизвестно, и не осознавать при этом своего невежества;

(5) эмпирическая наука является высшим судьей по вопросам о том, что именно термины естественных видов действительно означают. И не то, что бы научные открытия влекли за собой изменения в значениях слов; они скорее показывают людям, что те или иные слова всегда означали [4, р. 251].

Рассмотрим пример с Землей-Двойником — воображаемой планетой, которую Патнэм использует для иллюстрации своей теории. Земля-Двойник подобна нашей планете во всех отношениях, за исключением одного — вещество, называемое на Земле-Двойнике «водой», обладает всеми теми же физическими свойствами и играет ту же самую роль, что и вода на нашей собственной планете. Единственное отличие в том, что вещество, называемое «водой» на Земле-Двойнике, имеет химический состав XYZ, а не H_2O . По мнению Патнэма, как только мы узнаем о химическом составе XYZ, мы будем вынуждены сделать вывод о том, что данное вещество не является водой, поскольку для

воды необходимым химическим составом является H_2O^{20} [18, р. 270].

Однако, вместо того чтобы отрицать, что XYZ — это вода, не следует ли нам рассматривать XYZ просто как «другой тип воды»? Разве не так мы поступаем с так называемой «тяжелой водой» (D_2O), которая отличается от H_2O тем, что состоит из дейтерия (изотопа водорода)? Можем ли мы утверждать, что такое вещество не является «водой», потому что его химический состав отличается от H_2O ? Как ни странно, но простая просьба налить «стакан воды» окажется практически невыполнимой, поскольку жидкость, которая течет из кухонного крана, имеет массу примесей, меняющих ее химический состав²¹.

Если мы рассмотрим другие примеры из природного мира, то обнаружим, что идея естественных видов имеет ограниченную сферу применения. Экстенсивные виды, которые были открыты в науке, далеко не всегда находят отражение в естественном языке. Например, в обыденной речи довольно трудно представить случаи, когда бы лук и чеснок называли лилиями, хоть они и относятся к семейству лилейных (*Liliaceae*). Точно так же вне научного контекста никто не станет называть бабочек молью, а стервятников ястребами [22, р. 28]. С другой же стороны, широко употребляемый в обыденной речи термин «дерево» не нашел своего места в научной таксономии. Значения слов в обыденном и научном языке совпадают столь же часто, что и расходятся.

Реалисты (в юриспруденции и других областях) отрицают подобное расхождение между научными дискуссиями и обыденным языком. Они полагают, что при столкновении языка и мира последний неизбежно одержит победу [например, см.: 23]. Предпосылка реализма (лежащая также и в основе аргументации Патнэма) заключается в предположении, что научная классификация объективно отражает природный порядок, оставляя его нетронутым. Учитывая веские свидетельства того, что существует множество объективных способов организации свойств природного мира [подробнее о возможных примерах из биологии см.: 24; также о понятии «вид» см.: 25], позиция реалистов не лишена проблем. Тем не менее, несмотря на отдельные недостатки реализма, он предоставляет нам важный вывод о том, что существование объективного мира не зависит от нашего разума. Проблема здесь заключается в том, что нам не нужна семантика естественных видов для понимания этой очевидной истины.

Важно ясно понимать характер моей критики позиции Дворкина. Я не отрицаю, что тигры имеют ДНК или что чистая вода состоит из водорода и кислорода. Я скорее отрицаю, что значение терминов «тигр» и «вода» является функцией, связанной с их скрытыми сущностями. Мои аргументы направлены против редуccionистского подхода сторонников теории естественных видов и тех, кто (так же как и Дворкин [26; 27, р. 105]) пытается решать теоретико-правовые проблемы на основе семантики естественных видов.

5. Ахиллесова пята реализма. Даже если мы поддержим тезис Дворкина о том, что правовые и моральные виды имеют скрытые сущности, нам вряд ли удастся рассмотреть их с той же самой точностью, которая присутствует в естественных науках. Причина довольно проста — при анализе ценностей мы не располагаем достоверными спосо-

бами разрешения вполне возможных в этом вопросе разногласий.

Отсутствие методологического консенсуса в политических и моральных дисциплинах представляет собой ахиллесову пята морального реализма²². Когда ученые в естественных науках расходятся во мнении относительно истинности того или иного научного положения, у них в распоряжении имеется масса методов для его проверки²³. Именно так «бесспорных и хорошо разработанных методов» (как их называет Томас Нагель²⁴ [31, р. 101]) и не хватает политическим и моральным дисциплинам для разрешения вопроса о существовании «естественных» правовых и политических понятий.

Ахиллесова пята морального реализма подрывает аргумент Дворкина о том, что скрытые сущности могут объяснить значение правовых и политических понятий. Дворкин утверждает, что политические понятия, так же как и понятия «вода» или «золото», имеют «глубинную структуру» [7, р. 12]. Именно эта глубинная структура, независимая от разума²⁵, «объясняет конкретные проявления правовых и политических понятий» [7, р. 12]. Отличие политических понятий от понятий естественных видов заключается в том, что их глубинная структура является «нормативной», а не эмпирической. Но как тогда проявляется глубинная структура политических понятий²⁶? Что именно, по мнению Дворкина, служит нормативным аналогом ДНК, атомного номера и молекулярной формулы²⁷?

Было бы несправедливо утверждать, что у Дворкина нет ответа на эти вопросы. Тем не менее ответ, который дает Дворкин²⁸, — это хорошо знакомая нам концепция целостности, связанная с «большой паутиной убеждений» [7, р. 14]. До определенного момента такое объяснение приемлемо. Однако вся современная метаэтическая дискуссия строится вокруг вопроса о том, что мы имеем в виду, когда говорим, что утверждение о праве или морали является «истинным» [о моей прагматической теории истины в праве см.: 33]. По большому счету современное естествознание (с методологической точки зрения) способно установить истинность эмпирических суждений и имеет общепризнанную методологию разрешения споров. Дворкин не предлагает аналогичного ответа или методологии для оценки суждений о морали и праве, поскольку такой ответ, по его мнению, нам не нужен²⁹.

Несмотря на то, что Дворкин в целом отрицает релевантность метаэтических подходов к анализу моральных и политических ценностей, его аргументация имеет одним из своих следствий признание их важности. Как в науке, так и в этике, общепризнанным является логическое разделение между оценкой истинности высказывания и критериями оценки его истинности. По иронии судьбы позиция Дворкина состоит в том, чтобы, отрицая важность такого разграничения, показать насколько оно важно.

6. Проблема соответствия. Одной из отличительных черт юриспруденции Дворкина является его давняя приверженность методологии «конструктивизма». В своих ранних работах для объяснения теории судебного разбирательства Дворкин ориентировался на метод рефлексивного равновесия Ролза. В частности, он писал: «В рамках конструктивной модели интуитивные представления о справедливости рассматриваются не как подсказки для понимания существующих независимых принципов, а скорее — как параметры общей теории, которую

предстоит построить»³⁰ [34, р. 160]. Конструктивной модели Дворкин противопоставляет «натуральную модель». Такая модель предполагает, что существует «объективная моральная реальность, которая не создана человеком или обществом и которую человек открывает подобно законам физики» [34, р. 160].

«Конструирование» и «обнаружение» представляют собой две модели судебного разбирательства. Со временем конструктивизм Дворкина, представленный в его книге *Taking Rights Seriously* [34], развился в интерпретативизм в работе *Империя права* [35]. Постоянной чертой методологического подхода Дворкина является приверженность к конструктивной модели и отрицание теории открытия или «натуральной модели». И в этой связи возникает вопрос: не знаменуют ли собой высказывания Дворкина о естественных видах изменение в его теории права?

Согласно семантической теории естественных видов, экстенционал (значение) термина является функцией независимой от сознания объективной реальности (например, он связан с атомным номером, ДНК или молекулярной формулой). Имеет ли в виду Дворкин, что политические и правовые понятия «подобны» естественным видам в том смысле, что они так же существуют независимо от разума, скрыты от глаз, и неизменны?

В своем эссе Дворкин предлагает ряд положений, свидетельствующих о том, что для него истинность утверждений о политике и праве зависит от жестких объективных фактов. Рассмотрим эти положения [7, р. 12–13]:

«Естественные виды реальны — ни их существование, ни их характеристики не зависят от чьих-либо изобретений, убеждений или решений».

«Они имеют глубинную структуру — генетический профиль или молекулярную формулу, которые объясняют их остальные характеристики, включая привычные для нас внешние проявления».

«Политические и правовые ценности почти во всех отношениях схожи с естественными видами».

«Политические ценности точно столь же реальны: существование и характер свободы как ценности не зависят от чьих-либо изобретений, убеждений или решений».

«Политические ценности имеют глубинную структуру, объясняющую их конкретные проявления. Например, если прогрессивное налогообложение несправедливо, оно таковым является в силу некоторого более общего, фундаментального свойства справедливых институтов, которого не хватает прогрессивному налогообложению».

«Глубинная структура естественных видов имеет физический характер. Глубинная структура политических ценностей имеет не физический, а нормативный характер».

«Точно так же как ученый может понять природу тигра или золота, исследовав их базовую физическую структуру, политических философ способен раскрыть природу свободы путем анализа ее нормативного ядра».

«Физик помогает нам понять сущность воды, философ же помогает нам постигнуть сущность свободы».

Дворкин ясно дает понять, что, по его мнению, сущности политических и правовых понятий (т.е. ценностей) существуют независимо от сознания (т.е. их «существование и характер» не зависят от чьих-либо убеждений). Это сильная и, по-видимому,

реалистическая³¹ характеристика метафизического статуса политических и правовых понятий. Подобно ученому политический философ занимается «открытием», а не «изобретением». Политический философ не говорит о том, что именно, на его взгляд, является лучшей конструктивной интерпретацией практики. Скорее в процессе интерпретации он обнаруживает содержание и смысл ценностей, сущность которых ожидает своего открытия³².

Утверждение Дворкина о «поучительных сходствах» между терминами естественных видов и интерпретационными понятиями ещё больше ставит под вопрос центральное положение его теории. Речь идет, разумеется, о разделении между критериями «соответствия» и «обоснования» в его концепции судебной интерпретации [прекрасную дискуссию о различиях между «соответствием» и «обоснованием» см.: 37].

На основе таких образных примеров, как «практика учтивости» [35, с. 73–76] и «коллективного романа-цепочки» [35, с. 310–312], Дворкин развивает тезис о том, что судебное толкование обязано учитывать значительную часть сложившейся в прошлом общественной практики. Дворкин отмечает, что «обоснование не должно соответствовать каждому аспекту или характеристике данной установившейся практики, но должно соответствовать ей в достаточной степени для того, чтобы интерпретатор мог рассматривать себя как интерпретирующего эту практику, а не изобретающего новую» [35, с. 98].

Своим утверждением о том, что правовые и политические понятия сродни терминам естественных видов, Дворкин, по-видимому, отказывается от критерия «соответствия»³³. Если судье следует обнаружить «правильное значение» правового или политического понятия, то зачем ему тогда следовать сложившейся практике? Когда биологи обнаружили, что киты являются млекопитающими, а не рыбами, никто не предъявлял к их открытию требования соответствия предыдущей практике. Если Дворкин всерьез говорит об аналогии с терминами естественных видов, тогда из его слов следует, что поиски «истинного» значения правовых и политических понятий должны соответствовать сложившейся практике не в силу ее происхождения, а потому, что (и ровно до тех пор, пока) она правильно отражает природу вещей³⁴.

С этой точки зрения, нет причин учитывать прошлую (пусть и ошибочную) практику³⁵. Вместо того, чтобы выносить решение, которое «и соответствует тому, что было ранее, и обосновывает его» [35, с. 323], судья должен определить истинную природу рассматриваемого понятия и исходя из нее объяснить конкретные особенности его проявлений.

7. Заключение. В своих рассуждениях о сходствах между терминами естественных видов и политическими и правовыми понятиями Дворкин пытается развить идею об их «глубинной структуре». Как мы могли видеть, попытки Дворкина выявить «поучительные сходства» между терминами естественных видов и правовыми и политическими понятиями сталкиваются с массой проблем. Вполне возможно, что для Дворкина было бы лучше, если бы он вообще ничего не упоминал о естественных видах³⁶.

Благодарности

Выражаю благодарность Брайану Биксу, Керису Бриджману, Джону Дюпре, Киму Ферзану,

Ханджо Глоку, П. М. С. Хакеру, Эндрю Халпину, Кену Химме, Джорджу Летсасу, Патрику С. О'Доннеллу, Гансу Обердику, Джону Обердику, Ральфу Пошеру, Дэнни Приелу, Джозефу Разу, Ларри Солуму, Никосу Ставропулосу, Брайану Таманахе и Джефферсону Уайту за комментарии к проекту этой статьи. Выражаю особую благодарность Мэтту Адлеру и Клэр Финкельштейн за возможность обсудить эту статью на семинаре секции теории права юридического факультета Университета штата Пенсильвания. На момент завершения работы над настоящей статьей автор занимал должность почетного профессора права в Трентском университете в рамках программы Фулбрайта (Италия, 2005 г.).

Примечания

¹Перевод выполнен по изданию: Patterson D. M. Dworkin on Semantics of Legal and Political Concepts // Oxford Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 26, no. 3. P. 545–557. DOI: 10.1093/ojls/gql017. Публикуется с разрешения автора [Прим. переводчиков].

²Заслуженный профессор права (Камден) и философии (Нью-Брансуик), со-директор Института права и философии Раттерского университета (Камден, Нью-Джерси, США). E-mail: dpatters@camden.rutgers.edu.

³Разумеется, что в то время, когда Харт писал свою книгу *Понятие права*, под философией языка, скорее, понималась философская логика. Харт хотя и уделял отдельное внимание вопросам значения, в качестве самостоятельных проблем вопросы референции, значения и истинности стали центральными в аналитической юриспруденции только лишь с недавнего времени [о возможных сомнениях относительно влияния философии обденного языка на философию права Харта см.: 2, р. 1687].

⁴В *Понятии права* Харт открыто ссылается на проблему следования правилу Витгенштейна [3, р. 297]. В одной из своих работ Хакер также отмечает, что «в целях разрешения проблем в праве Харт развивает идеи философии языка, основываясь на работах Остина, Уиздома, Витгенштейна и Вайсмана» [4, р. 156].

⁵Подробнее см. введение Дворкина к сборнику работ *The Philosophy of Law* [1] («я полагаю, что большинство позитивистов, с той или иной степенью сознательности, полагаются на антиреалистическую теорию значения»).

⁶Брайан Бикс в своем эссе *Can Theories of Meaning and Reference Solve the Problem of Legal Determinacy?* [5, р. 281] ставит под сомнение применимость реалистической семантики.

⁷Данное эссе позднее было переиздано в книге Дворкина *Justice in Robes* [6, р. 140–186]. Здесь и далее все цитаты приводятся по первоначальной версии этого эссе [7].

⁸Дворкин описывает политические ценности как «реальные» и обладающие «глубинной структурой» или «сущностью» [7, р. 12]. Сами позитивисты давно отвергли такой подход, равно как и тезис о том, что позитивизм обязательно предполагает теорию общеупотребительного значения права [criterial theory of the meaning of law]. Дворкин смешивает представление о том, что содержание правила признания обусловлено общепризнанными критериями (и это соответствует позитивистским взглядам), с утверждением, согласно которому значение слова «право» определяется общими правилами словоупотребления [дискуссию об этом см.: 8].

⁹Я понимаю, что Дворкин говорит лишь о «поучительных сходствах» [7, р. 12] между понятиями естественных видов, наподобие «воды», «тигра», «золота», и такими политическими понятиями, как «демократия», «свобода», «равенство». Проблема заключается в том, что не совсем понятно, как именно далеко Дворкин намеревается зайти в этом сравнении. Майкл Грин недавно отметил, что Дворкин допускает «ошибку»

(Грин называет это «ошибкой Дворкина»), когда обосновывает интерпретативную теорию права при помощи интерпретативной теории значения [9, р. 1897, 1909–1910]. Однако сам Дворкин характеризует размышления Грина о предложенных им аргументах как «поразительно неправильное прочтение» [6, р. 226]. Помимо прочего, Дворкин также утверждает, что правовые понятия являются «интерпретативными понятиями», а не понятиями естественных видов. («Я категорически отверг естественно-видовую интерпретацию понятий права» [6, р. 227]). Поэтому нам не остается ничего иного, кроме как задаться вопросом, что именно имеет в виду Дворкин, когда заявляет о существовании «поучительного сходства» между правовыми понятиями и понятиями естественных видов? Сущность понятий естественных видов тесно связана с понятием необходимости и, в частности, метафизической необходимостью [также см. ниже — примечание 18]. Если же правовые понятия и понятия естественных видов не имеют никаких общих черт с точки зрения метафизической необходимости, тогда оказывается неясным, в каком смысле Дворкин их считает «похожими».

¹⁰Данную формулировку я заимствовал у Джона Обердика.

¹¹В своем *Понятии права* Харт подробно описывает правило признания [3, р. 94–99]. Джулс Коулман полагает, что правило признания необязательно должно носить эпистемический характер [10, р. 132].

¹²Дворкин здесь высказывает свое отношение к одному из главных, по его мнению, примеров архимедианской мысли — метаэтике: «Наибольшей известностью среди этих специализированных философий обладает так называемая "метаэтика". В рамках этого направления дискутируется логический статус "оценочных суждений", которые выносят обычные люди, когда говорят, например, что, с моральной точки зрения, аборт является неправильным, или что расовая дискриминация есть зло, или что лучше предать свою страну, чем своих друзей. Первая группа метаэтиков утверждает, что такие оценочные суждения могут являться истинными или ложными, и в случае, если они оказываются истинными, они верным образом передают некоторый независимый от разума моральный факт. Представители второй группы отрицают такой подход: они считают, что оценочные суждения — это не отчеты о независимой реальности, но скорее выражение эмоций, личного вкуса, рекомендаций для поведения, или иных проявлений субъективной активности. Тем не менее и сторонники первой группы (утверждающие, что оценочные суждения обладают статусом объективной истины), и их конкуренты (полагающие, что оценочные суждения только лишь выражают эмоции), уверены в том, что их собственные теории не являются оценочными суждениями. Второпорядковые философские теории, посвященные самим оценочным суждениям, как настаивают сами метаэтики, являются нейтральными и непредвзятыми. Они не занимают никакой позиции в отношении морали аборт, дискриминации, дружбы или патриотизма. Такие теории являются концептуальными или дескриптивными, а не ангажированными и основанными на внутреннем убеждении» [7, р. 2–3].

¹³Сомнения по поводу того, что сам «вид» является термином естественного вида подробно аргументированы в работе Джозефа Лапорта *Natural Kinds and Conceptual Change* [11, р. 63–91].

¹⁴Ключевой абзац гласит: «Разумеется, после того как мы рассмотрели сходства между естественными видами и политическими ценностями, разница между ними, на которую я обратил внимание, по-прежнему сохраняется. Глубинная структура естественных видов имеет физический характер. Глубинная структура политических ценностей имеет не физический, а нормативный характер. Точно так же как ученый может раскрыть природу тигра или золота, исследовав их базовую физическую структуру, так и политический философ способен раскрыть природу свободы путем анализа ее нормативного ядра. В каждом случае мы можем описать эти

мероприятия как "концептуальные". Физик помогает нам увидеть сущность воды; философ помогает нам увидеть сущность свободы. Разница между этими проектами и столь грандиозно описанными, и более приземленными, между обнаружением состава воды и температуры, при которой она замерзает, или между определением природы свободы и разрешением вопроса о том, представляет ли налогообложение угрозу свободе — не так и велика. Но всеобъемлющий и фундаментальный характер более амбициозных исследований, имеющих целью открыть нечто фундаментальное, оправдывает для подобных исследований название "концептуальных". Мы не можем разумным образом утверждать, что философский анализ ценностей является концептуальным, нейтральным и незаинтересованным [disengaged]. Однако мы можем с полным основанием утверждать, что он является нормативным, ангажированным и концептуальным» [7, р. 13].

¹⁵Подробнее см. эссе Дворкина *Hart's Postscript and the Character of Political Philosophy* [7, р. 12] («...политические ценности имеют глубинную структуру, которая объясняет их конкретные проявления»).

¹⁶Подробнее см. работу Локка *Опыт о человеческом разуме* [12, с. 474] («...бытие какой-либо вещи, благодаря чему она есть то, что она есть»).

¹⁷Подробнее о возможных дискуссиях см. работу Джона Йолтона *A Locke Dictionary* [13, р. 179–180].

¹⁸Небольшой экскурс в историю философии, хоть и не прямым образом связанный с центральным сюжетом настоящей статьи, все же представляется необходимым. Аналитические и синтетические суждения оставались центральными понятиями философии вплоть до публикации Куайном своей знаменитой статьи *Две догмы эмпиризма* [15]. В этой работе Куайн опроверг традиционное деление истин на аналитические и синтетические. Подход Куайна доминировал в науке вплоть до 1970 г., когда Сол Крипке прочел в Принстоне свои три знаменитые лекции, позднее переизданные в книге *Naming and Necessity*. Крипке продемонстрировал, что такие высказывания, как «вода есть H₂O» и «киты являются млекопитающими», обладают статусом необходимой истины и их истинность была установлена в результате научных открытий. А значит, — эти утверждения являются необходимыми апостериорными истинами [подробнее также см.: 16–17].

¹⁹Объяснение естественных видов Крипке и Патнэма не лишено изъянов: «Парадоксальным следствием такого подхода является вывод о том, что два слова, употребляемые одинаковым образом, соответствующие одним и тем же критериям, могут различаться в значении, поскольку они будут означать вещи с разными сущностями. Например, на другой планете люди могут использовать слово "вода" точно так же, как и мы: для обозначения прозрачной безвкусной питьевой жидкости, которая встречается в реках, озерах и в виде дождя. Тем не менее их слово будет иметь другое значение, если "вода" на их планете не будет состоять из химического соединения H₂O. И наоборот, если будет обнаружено, что вода имеет ту же молекулярную структуру, что и гудрон, тогда слова "вода" и "гудрон", несмотря на заметные различия в их использовании, имели бы одинаковое значение» [19, р. 248].

²⁰Аргумент Патнэма связан и с другими затруднениями, не последнюю роль среди которых играет указание на то, что, если бы пример Патнэма о «псевдо-воде» XYZ существовал в действительности, тогда большая часть наших научных знаний просто-напросто рухнула бы. Питер Хакер описывает эту проблему следующим образом: «Если X, Y и Z являются элементами, то каковы их атомные номера? Как их можно разместить в периодической таблице элементов? Для них нет "места", совместимого с нашими знаниями о химии. Какие валентности они могут иметь и какова форма химической связи, в которую они входят в соединении XYZ? Каковы те свойства чистого X (Y и Z), которые делают Землю-Двойника столь неотличимой от нашей Земли? Совпадает ли вес XYZ и H₂O?

Если ответ "да", то как такое возможно, учитывая наши знания в области химии и химических элементов? Если ответ "нет", тогда вещество XYZ не может вести себя так же, как и H₂O. Если X, Y и Z не являются элементами, а "XYZ" является простым сокращением "длинной и сложной формулы" (как полагает сам Патнэм), как именно возможно то, что в соответствии с общепринятой химической теорией она имеет точно такие же, как и H₂O, явные свойства (температуры замерзания и кипения, вес и т.д.)?» [4, р. 329].

²¹К таким примесям относятся фосфаты, нитраты, натрий, калий, магний, кальций, сульфаты, хлориды и гидрокарбонат [20]. Подробнее также см. эссе Ноама Хомского *Language and Nature* [21, р. 22] («является ли что-то водой, зависит от особых интересов человека»).

²²Ср. с этим, например, мнение Джереми Уолдрона: «Во вне-моральных ситуациях в дополнение к простейшему эпистемологическому методу "посмотреть-и-увидеть" мы имеем разработанный научный аппарат, с порядком работы которого все согласны. Однако в этике ничего подобного нет» [28, р. 179]. Дворкин неизменно отрицает, что невозможность проверить истинность правовых высказываний не означает, что подобных истин нет в принципе [подробнее об отрицании «тезиса недоказуемости» см.: 29, р. 137–145]. Вслед за Уолдронном я не ставлю перед собой цель опровергнуть утверждение о существовании правильного ответа. Скорее я утверждаю, что факт существования правильного ответа не должен нас беспокоить, поскольку мы в любом случае не сможем установить, является ли такой ответ правильным и, как следствие, выявить истинное состояние права. Таким образом, мой тезис состоит не в том, что моральный реализм ошибочен, а в том, что он бесполезен.

²³Джулс Коулман и Ори Симхен отмечают, что «отсутствие общего согласия среди юристов во многом объясняет, почему вопрос о содержании слова "право" не решается путем юридической экспертизы» [30, р. 26]. Немаловажно и то, что «разногласия, на которые обращает внимание Дворкин, во многом подрывают доверие к юридической экспертизе» [30, р. 26].

²⁴Нагель отмечает: «Наши научные представления являются объективно истинными не потому, что внешний мир вложил их в наши умы, а потому, что они получены с помощью методов, которые имеют все основания претендовать на надежность, а также благодаря отбору и критике гипотез, лучше всего объясняющих факты. Во многом из-за отсутствия таких бесспорных и хорошо разработанных методов элемент субъективизма в моральных дисциплинах гораздо выше, чем в науке» [31, р. 101–102]. (В ходе дальнейших рассуждений Нагель отмечает, что, несмотря на то, что достижение объективности в моральных дисциплинах — процесс гораздо более сложный, чем в науке, это, тем не менее, возможно.) Выражаю благодарность Джону Обердику за напоминание о дискуссии Нагеля.

²⁵См., например, следующее высказывание Дворкина: «Существование такой ценности, как свобода, не зависит от чьих-либо убеждений, решений, уровня развития науки и т.п.» [7, р. 12].

²⁶Дворкин утверждает, что «точно так же как ученый может раскрыть саму природу тигра или золота, исследовав их элементарную физическую структуру, так и политический философ может раскрыть природу свободы, выявив ее нормативное ядро» [7, р. 13].

²⁷Разумеется, реалисты могут отвергнуть мое замечание как простую эпистемологическую придирку. Но мой аргумент состоит в том, что даже если мы согласимся принять метафизическую предпосылку реализма, его оценка нормативности все равно будет крайне неадекватной, поскольку без общепринятого стандарта «истинная природа вещей» будет оставаться пустым именем. Подобная идея была высказана еще Витгенштейном в его «парадоксе интерпретации» [Дискуссию об этом см.: 32, р. 160].

²⁸ Дворкин, в частности, считает, что основная задача политического философа заключается в том, чтобы показать справедливость в ее лучшем свете [7, р. 13].

²⁹ Избегая каких-либо конкретных метаэтических подходов, Дворкин вновь подтверждает свою приверженность эпистемическим достоинствам холизма и рефлексивного равновесия Джона Ролза [7, р. 14, 18].

³⁰ Дворкин также поясняет: «конструктивная модель не предполагает, что принципы справедливости имеют фиксированное, объективное существование, так что описание этих принципов должно быть истинным или ложным в каком-то стандартном смысле. Она не предполагает, что животное, воссозданное по костям, реально существовало» [34, р. 160].

³¹ Несомненно, что сам Дворкин позиционирует себя как реалист. («Мой реализм не знает границ» [36, р. 128].)

³² Даже если Дворкин и не изменил свою позицию по вопросам судебного разбирательства с модели конструирования на модель открытия, его тезис о «поучительных сходствах» между терминами естественных видов и интерпретативными понятиями (наподобие «права») все равно остается достаточно размытым. Ведь как было отмечено выше, если правовые (т.е. интерпретативные) понятия и термины естественных видов не имеют сходств, с точки зрения метафизической необходимости, тогда для нас остается непонятным, в каком именно смысле Дворкин считает их похожими?

³³ Еще больше запутывая вопрос, Дворкин указывает, что политические ценности, как и естественные виды, «имеют глубинную структуру, которая объясняет особенности проявления их конкретных характеристик» [7, р. 12]. Даже если мы допустим, что это так и есть, ключевой вопрос о значении терминов естественных видов и политических понятий по-прежнему останется без ответа. Наиболее спорным моментом в использовании семантики естественных видов является утверждение о том, что значение понятия определяется микроструктурой, а не стереотипом (как, например, в высказывании «золото — металл желтого цвета»). См. Putnam H. Ibid. P. 233 (абз. 29): «Как только мы открыли подлинную природу воды, ничто более не может считаться возможным миром, в котором вода не имела бы такой природы. Как только мы обнаружили, что вода (в реальном мире) имеет химический состав H_2O , ничто не может считаться возможным миром, в котором бы вода не имела такого химического состава. В частности, если «логически возможное» утверждение — это утверждение, которое выполняется в некотором «логически возможном мире», тогда логически невозможно, чтобы вода не была H_2O » [18, р. 233]. Даже если позиция Дворкина верна, в ее основу не может быть заложена аналогия с патнэмской версией анализа естественных видов, поскольку Патнэм не говорит о необходимой связи между микроструктурой и стереотипом.

³⁴ Коулман и Симхен назвали такой подход Дворкина «взглядом с пьедестала». Одним из главных представителей данного подхода является Никос Ставропулос, который пишет: «Мой общий тезис состоит в том, что значение понятий во многом зависит от действующей теории. Теория должна объяснять и обосновывать особенности употребления понятий в прошлом и настоящем. Она должна содержать базовые утверждения о том, какими признаками наполняется содержание понятия, и каким образом природа такого содержания обуславливает будущее употребление понятий. Под "теорией" здесь подразумевается не столько совокупность формальных или абстрактных рассуждений, сколько набор сущностных утверждений в рамках системы аргументации. Теория будет полноценной независимо от того, какими признаками наполняется содержание понятий (являются ли они сложными для распознавания или простыми и узнаваемыми каждым). Поэтому вопрос о том, какие именно признаки следует считать существенными, является действительно важным» [26, р. 15; также см.: 30, р. 11–16]. Примечательно, что Дворкин не отождествляет значение понятия «право» исключительно

с микроструктурой. Но «взгляд с пьедестала» не лишен и определенных сложностей. Коулман и Симхен указывают: «проблема заключается в том, что при употреблении говорящим видового термина N ему приписывается намерение иметь в виду основные свойства, которые имеются у некоторого парадигмального образца N , независимо от того, что по поводу природы N говорят авторитетные специалисты или ученые. Тем не менее мы не можем правдоподобным образом приписывать говорящему подобные намерения, поскольку у него зачастую отсутствуют представления о подобном метафизическом понятии» [30, р. 36].

³⁵ Я понимаю, что подобное толкование Дворкина акцентирует его приверженность метафизическому реализму гораздо сильнее, чем он сам ранее выражал. В то время как один из его учеников выступал за использование семантических теорий Крипке и Патнэма для анализа права [подробнее см.: 26], сам Дворкин никогда не одобрял естественные виды как способ понимания значения правовых и политических терминов (de facto он категорически отвергает такую точку зрения). Тем не менее сказанное Дворкиным свидетельствует, что в его теории произошел сдвиг в сторону позиции Майкла Мура, критиковавшего Дворкина за его неспособность занять твердую метафизическую позицию [детальное описание Дворкина как «конвенционалиста» см.: 38, р. 453, 458]. Излишне говорить, что и сам Дворкин вносит значительную долю неясности тем, что он нигде не упоминает (и тем более не обсуждает) литературу, посвященную терминам естественных видов. Например, в своем эссе он ни разу не упоминает имена «Крипке» и «Патнэм», равно как и имена других авторов, писавших по этой теме. Ключевым моментом здесь является тот факт, что центральные аргументы в пользу понятий естественных видов по своей природе *метафизичны*. Причина, по которой работа Крипке считается революционной, заключается в том, что она возвращает в аналитическую традицию категорию необходимости, опровергая тем самым знаменитый тезис Куайна о том, что все сущности являются номинальными [ср. с этим: 17, р. 218; дискуссию об этом см.: 39].

³⁶ Похоже, что в дальнейшем Дворкин и сам пришел к этому выводу [подробнее см.: 6, р. 224–225]. В неопубликованной ранее главе (Глава 6: «Понятия права») этого сборника Дворкин возвращается к своему прежнему методологическому подходу «конструктивистского толкования». Дворкин приводит следующий пример того, как участники противоположных партий определяют значение слова «справедливость»: «Либералы и консерваторы принимают понятие справедливости, но не соглашаются ни в критериях суждений о справедливости, ни в том, какие институты справедливы, а какие нет. Каждый из них высказывает различные суждения о поведении людей и социальных институтах как о справедливых и несправедливых, основываясь на различных исходных предположениях и целях. На основе этих предположек они высказывают конкретные мнения о правильном способе организации различных социальных практик. Анализ концепции справедливости должен быть интерпретационной теорией именно такого рода. Аналитик должен раскрыть свое собственное представление о ценностях, которым должна соответствовать практика, а также дать собственную интерпретацию понятий той или иной концепции. Напротив, анализ естественных видов должен быть нейтральным по отношению к различным мнениям и позициям (например, следует ли поощрять холостяков вступать в брак или следует ли охранять тигров как исчезающий вид). Однако нейтральный анализ интерпретативных понятий, как правило, ограничивается простой констатацией того, что понятие имеет множество интерпретаций, либо довольно общим описанием той или иной практики» [6, р. 224–225]. В этом отрывке Дворкин излагает свою классическую интерпретативную концепцию «соответствия и обоснования». Значение слова «справедливость» не фиксируется ничем, кроме аргументов. Суждения о значении интерпретируемых понятий

формируются не при помощи выявления их нормативного ядра, а посредством апелляции участниками дискуссии к собственным пониманиям сущности или целей существования рассматриваемых институтов.

Библиографический список

1. Dworkin R. Introduction // *The Philosophy of Law* / Ed. R. Dworkin. London, New York: Oxford University Press, 1977. P. 1–8.
2. Green L. The Concept of Law Revisited // *Michigan Law Review*. 1996. Vol. 94, no. 6. P. 1687–1717. DOI: 10.2307/1289966.
3. Hart H. L. A. *The Concept of Law* / Eds.: P. A. Bulloch, J. Raz. Oxford: Clarendon Press, 1994. 315 p.
4. Hacker P. M. S. Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy. Oxford: Blackwell, 1996. 346 p.
5. Bix B. Can Theories of Meaning and Reference Solve the Problem of Legal Determinacy? // *Ratio Juris*. 2003. Vol. 16, no. 3. P. 281–295. DOI: 10.1111/1467-9337.00237.
6. Dworkin R. *Justice in Robes*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006. 308 p.
7. Dworkin R. Hart's Postscript and the Character of Political Philosophy // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2004. Vol. 24, no. 1. P. 1–37. DOI: 10.1093/ojls/24.1.1.
8. Himma K. E. Ambiguously Stung: Dworkin's Semantic Sting Reconfigured // *Legal Theory*. 2002. Vol. 8, no. 2. P. 145–183. DOI: 10.1017/S1352325202082010.
9. Green M. S. Dworkin's Fallacy, or What the Philosophy of Language Can't Teach Us about the Law // *Virginia Law Review*. 2003. Vol. 89, no. 8. P. 1897–1952. DOI: 10.2307/3202369.
10. Coleman J. L. *The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 226 p.
11. Laporte J. *Natural Kinds and Conceptual Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 221 p.
12. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // *Сочинения*. В 3 т. Москва: Мысль, 1985. Т. 1. С. 78–595.
13. Yolton J. W. *A Locke Dictionary*. Oxford: Blackwell, 1993. 349 p.
14. Kripke S. A. Naming and Necessity // *Semantics of Natural Language* / Eds. D. Davidson, G. Harman. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1972. P. 253–355.
15. Куайн У. В. О. Две догмы эмпиризма // *С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков* / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. Москва: Канон+РОИИ Реабилитация, 2010. С. 45–80.
16. Soames S. *Philosophical Analysis in the 20th Century*. Vol. 1: The Dawn of Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2003. 411 p.
17. Soames S. *Philosophical Analysis in the 20th Century*. Vol. 2: The Age of Meaning. Princeton: Princeton University Press, 2003. 479 p.
18. Putnam H. The Meaning of «Meaning» // *Philosophical Papers*. Vol. 2: Mind, Language and Reality. New York: Cambridge University Press, 1975. P. 215–271.
19. Schroeder S. Wittgenstein. Oxford: Polity Press, 2006. 288 p.
20. The International Association for the Properties of Water and Steam. What Is the Isotopic Composition of Ordinary Water? URL: <http://www.iapws.org/faq1/isotope.html> (дата обращения: 02.02.2021).
21. Chomsky N. Language and Nature // *Mind*. 1995. Vol. 104, no. 413. P. 1–61. DOI: 10.1093/mind/104.413.1.
22. Dupré J. *The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 309 p.
23. Moore M. S. A Natural Law Theory of Interpretation // *Southern California Law Review*. 1985. Vol. 58, no. 1-2. P. 277–398.
24. Dupré J. Is «Natural Kind» a Natural Kind Term? // *The Monist*. 2002. Vol. 85, no. 1. P. 29–49. DOI: 10.1093/monist/85.1.29.
25. Kitcher P. Ghostly Whispers: Mayr, Ghiselin, and the «Philosophers» on the Ontological Status of Species // *Biology & Philosophy*. 1987. Vol. 2, no. 2. P. 184–192. DOI: 10.1007/BF00057962.
26. Stavropoulos N. *Objectivity in Law*. Oxford: Clarendon Press, 1996. 216 p.
27. Brink D. O. *Legal Theory, Legal Interpretation, and Judicial Review* // *Philosophy & Public Affairs*. 1988. Vol. 17, no. 2. P. 105–148.
28. Waldron J. *Law and Disagreement*. Oxford: Clarendon Press, 1999. 332 p.
29. Dworkin R. Is There Really No Right Answer in Hard Cases? // *A Matter of Principle*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. P. 119–145.
30. Coleman J. L., Simchen O. *Law* // *Legal Theory*. 2003. Vol. 9, no. 1. P. 1–41. DOI: 10.1017/S1352325203000016.
31. Nagel T. *The Last Word*. New York: Oxford University Press, 2001. 147 p. 101.
32. Williams M. *Wittgenstein, Mind and Meaning: Towards a Social Conception of Mind*. London: Routledge, 1999. 320 p.
33. Patterson D. *Law and Truth*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 200 p.
34. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1977. 371 p.
35. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. Москва: Институт Гайдара, 2020. 592 с.
36. Dworkin R. Objectivity and Truth: You'd Better Believe It // *Philosophy & Public Affairs*. 1996. Vol. 25, no. 2. P. 87–139. DOI: 10.1111/j.1088-4963.1996.tb00036.x.
37. Solum L. *Legal Theory Lexicon: Fit and Justification*. URL: http://lsolum.blogspot.com/archives/2005_03_01_lsolum_archive.html#111072607292619611 (дата обращения: 02.02.2021).
38. Moore M. S. *Metaphysics, Epistemology and Legality* // *Southern California Law Review*. 1987. Vol. 60, no. 2. P. 453–506.
39. Rorty R. How Many Grains Make a Heap? // *London Review of Books*. 2005. Vol. 27, № 2. P. 12–13.

Сведения о переводчиках:

ДИДИКИН Антон Борисович, доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор факультета права департамента теории права и междотраслевых юридических дисциплин.

SPIN-код: 4897-4450

ORCID: 0000-0003-0808-8900

AuthorID (SCOPUS): 56308857400

ResearcherID: C-7039-2018

Адрес для переписки: abdidikin@bk.ru

АЛЕКСАНДРОВ Станислав Андреевич, магистрант 2-го курса факультета права.

Источник перевода:

Patterson D. M. Dworkin on Semantics of Legal and Political Concepts // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2006. Vol. 26, no. 3. P. 545–557. DOI: 10.1093/ojls/gql017.

Ссылка на полный текст статьи: <https://academic.oup.com/ojls/article-abstract/26/3/545/1452013>

Для цитирования

Паттерсон Д. М. Дворкин о семантике правовых и политических понятий = Patterson D. M. Dworkin on Semantics of Legal and Political Concepts / пер. с англ. А. Б. Дидикина, С. А. Александрова // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2021. Т. 6, № 2. С. 83–93. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-83-93.

Перевод поступил в редакцию 17.02.2021 г.

© Д. М. Паттерсон

Rutgers University,
Camden, USA

Translated from English

A. B. DIDIKIN
S. A. ALEKSANDROV

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

DWORKIN ON THE SEMANTICS OF LEGAL AND POLITICAL CONCEPTS

In a recent comment on H. L. A. Hart's «*Postscript*» to *The Concept of Law*, Ronald Dworkin claims that the meaning of legal and political concepts may be understood by analogy to the meaning of natural kind concepts like «tiger», «gold» and «water». This article questions the efficacy of Dworkin's claims by challenging the use of natural kinds as the basis for a semantic theory of legal and political concepts. Additionally, in matters of value there is no methodological equivalent to the scientific method. Thus, there is little hope of finding hidden essences to explain the meaning of legal and political concepts. Finally, even if there are natural kinds, Dworkin's arguments for their efficacy in jurisprudence are problematic and unpersuasive. The problem for Dworkin is that his embrace of natural kinds undermines the «fit» side of the fit/justification model of adjudication that lies at the heart of his theory of law.

Keywords: Dworkin, natural kind, semantic theory of legal concepts, moral realism.

Acknowledgements

My thanks to Brian Bix, Curtis Bridgeman, John Dupré, Kim Ferzan, Hanjo Glock, P. M. S. Hacker, Andrew Halpin, Ken Himma, George Letsas, Patrick S. O'Donnell, Hans Oberdiek, John Oberdiek, Ralf Poscher, Danny Priel, Joseph Raz, Larry Solum, Nicos Stavropoulos, Brian Tamanaha and Jefferson White for comments on a draft of this article. Special thanks to Matt Adler and Claire Finkelstein for the opportunity to discuss this article at the University of Pennsylvania Law School Legal Theory Workshop. Work on this article was completed while the author was the holder of the Fulbright Distinguished Chair in Law at Trento, Italy, 2005.

References

1. Dworkin R. Introduction // *The Philosophy of Law* / Ed. R. Dworkin. London, New York: Oxford University Press, 1977. P. 1–8. (In Engl.).
2. Green L. The Concept of Law Revisited // *Michigan Law Review*. 1996. Vol. 94, no. 6. P. 1687–1717. DOI: 10.2307/1289966. (In Engl.).
3. Hart H. L. A. *The Concept of Law* / Eds. P. A. Bulloch, J. Raz. Oxford: Clarendon Press, 1994. 315 p. (In Engl.).
4. Hacker P. M. S. *Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell, 1996. 346 p. (In Engl.).
5. Bix B. Can Theories of Meaning and Reference Solve the Problem of Legal Determinacy? // *Ratio Juris*. 2003. Vol. 16, no. 3. P. 281–295. DOI: 10.1111/1467-9337.00237. (In Engl.).
6. Dworkin R. *Justice in Robes*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006. 308 p. (In Engl.).
7. Dworkin R. Hart's Postscript and the Character of Political Philosophy // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2004. Vol. 24, no. 1. P. 1–37. DOI: 10.1093/ojls/24.1.1. (In Engl.).
8. Himma K. E. Ambiguously Stung: Dworkin's Semantic Sting Reconfigured // *Legal Theory*. 2002. Vol. 8, no. 2. P. 145–183. DOI: 10.1017/S1352325202082010. (In Engl.).
9. Green M. S. Dworkin's Fallacy, or What the Philosophy of Language Can't Teach Us about the Law // *Virginia Law Review*. 2003. Vol. 89, no. 8. P. 1897–1952. DOI: 10.2307/3202369. (In Engl.).
10. Coleman J. L. *The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 226 p. (In Engl.).
11. Laporte J. *Natural Kinds and Conceptual Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 221 p. (In Engl.).
12. Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [An Essay Concerning Human Understanding] // *Sochineniya* [Works]. In 3 vols. Moscow, 1985. Vol. 1. P. 78–595. (In Russ.).
13. Yolton J. W. *A Locke Dictionary*. Oxford: Blackwell, 1993. 349 p. (In Engl.).
14. Kripke S. A. Naming and Necessity // *Semantics of Natural Language* / Eds.: D. Davidson, G. Harman. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1972. P. 253–355. (In Engl.).

15. Quine W. V. O. Dve dogmy empirizma [Two Dogmas of Empiricism] // S tochki zreniya logiki. 9 logiko-filosofskikh ocherkov [From a Logical Point of View. 9 Logico-Philosophical Essays] / Trans.: V. A. Ladov, V. A. Surovtsev. Moscow, 2010. P. 45–80. (In Russ.).
16. Soames S. Philosophical Analysis in the 20th Century. Vol. 1: The Dawn of Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2003. 411 p. (In Engl.).
17. Soames S. Philosophical Analysis in the 20th Century. Vol. 2: The Age of Meaning. Princeton: Princeton University Press, 2003. 479 p. (In Engl.).
18. Putnam H. The Meaning of «Meaning» // Philosophical Papers. Vol. 2: Mind, Language and Reality. New York: Cambridge University Press, 1975. P. 215–271. (In Engl.).
19. Schroeder S. Wittgenstein. Oxford: Polity Press, 2006. 288 p. (In Engl.).
20. The International Association for the Properties of Water and Steam. What Is the Isotopic Composition of Ordinary Water? URL: <http://www.iapws.org/faq1/isotope.html> (accessed: 02.02.2021). (In Engl.).
21. Chomsky N. Language and Nature // Mind. 1995. Vol. 104, no. 413. P. 1–61. DOI: 10.1093/mind/104.413.1. (In Engl.).
22. Dupré J. The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 309 p. (In Engl.).
23. Moore M. S. A Natural Law Theory of Interpretation // Southern California Law Review. 1985. Vol. 58, no. 1/2. P. 277–398. (In Engl.).
24. Dupré J. Is 'Natural Kind' a Natural Kind Term? // The Monist. 2002. Vol. 85, no. 1. P. 29–49. DOI: 10.1093/monist/85.1.29. (In Engl.).
25. Kitcher P. Ghostly Whispers: Mayr, Ghiselin, and the «Philosophers» on the Ontological Status of Species // Biology & Philosophy. 1987. Vol. 2, no. 2. P. 184–192. DOI: 10.1007/BF00057962. (In Engl.).
26. Stavropoulos N. Objectivity in Law. Oxford: Clarendon Press, 1996. 216 p. (In Engl.).
27. Brink D. O. Legal Theory, Legal Interpretation, and Judicial Review // Philosophy & Public Affairs. 1988. Vol. 17, no. 2. P. 105–148. (In Engl.).
28. Waldron J. Law and Disagreement. Oxford: Clarendon Press, 1999. 332 p. (In Engl.).
29. Dworkin R. Is There Really No Right Answer in Hard Cases? // A Matter of Principle. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. P. 119–145. (In Engl.).
30. Coleman J. L., Simchen O. Law // Legal Theory. 2003. Vol. 9, no. 1. P. 1–41. DOI: 10.1017/S1352325203000016. (In Engl.).
31. Nagel T. The Last Word. New York: Oxford University Press, 2001. 147 p. 101. (In Engl.).
32. Williams M. Wittgenstein, Mind and Meaning: Towards a Social Conception of Mind. London: Routledge, 1999. 320 p. (In Engl.).
33. Patterson D. Law and Truth. Oxford: Oxford University Press, 1996. 200 p. (In Engl.).
34. Dworkin R. Taking Rights Seriously. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1977. 371 p. (In Engl.).
35. Dworkin R. Imperiya prava [Law's Empire] / Trans. S. Moiseyev. Moscow: Gaidar Institute Press, 2020. 592 p. (In Russ.).
36. Dworkin R. Objectivity and Truth: You'd Better Believe It // Philosophy & Public Affairs. 1996. Vol. 25, no. 2. P. 87–139. DOI: 10.1111/j.1088-4963.1996.tb00036.x. (In Engl.).
37. Solum L. Legal Theory Lexicon: Fit and Justification. URL: http://lsolum.blogspot.com/archives/2005_03_01_lsolum_archive.html#111072_607292619611 (accessed: 02.02.2021). (In Engl.).
38. Moore M. S. Metaphysics, Epistemology and Legality // Southern California Law Review. 1987. Vol. 60, no. 2. P. 453–506. (In Engl.).
39. Rorty R. How Many Grains Make a Heap? // London Review of Books. 2005. Vol. 27, no. 2. P. 12–13. (In Engl.).

About the translators

DIDIKIN Anton Borisovich, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law, Professor of Faculty of Law, School for Theory of Law and Cross-sectoral Legal Disciplines.

SPIN-code: 4897-4450

ORCID: 0000-0003-0808-8900

AuthorID (SCOPUS): 56308857400

ResearcherID: C-7039-2018

Correspondence address: abdidikin@bk.ru

ALEKSANDROV Stanislav Andreyevich, 2nd year Undergraduate of Faculty of Law.

For citations

Patterson D. M. Dworkin on the Semantics of Legal and Political Concepts / trans. from Engl. A. B. Didikin, S. A. Aleksandrov // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2021. Vol. 6, no. 2. P. 83–93. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-83-93.

Received February 17, 2021.

© D. M. Patterson